



А. СУСЛОВ

ЗИМНИЙ  
ДВОРЕЦ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

А. СУСЛОВ

61/2009

# ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

(1754—1927 гг.)

ИСТОРИЧЕСКИЙ  
ОЧЕРК

КОМИТЕТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЙ  
ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ  
КУЛЬТУРЫ

ЛЕНИНГРАД

1928



**Открытие Александровской колонны 30 августа 1834 г.  
(с картины Ладурнёра)**

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ**

**А. СУСЛОВ**

**ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ**

*(1754—1927гг.)*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК  
КОМИТЕТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЙ  
ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ  
КУЛЬТУРЫ

ЛЕНИНГРАД

1928

Печатается с разрешения Государственного Эрмитажа.  
Ученый Секретарь *М. Философов.*

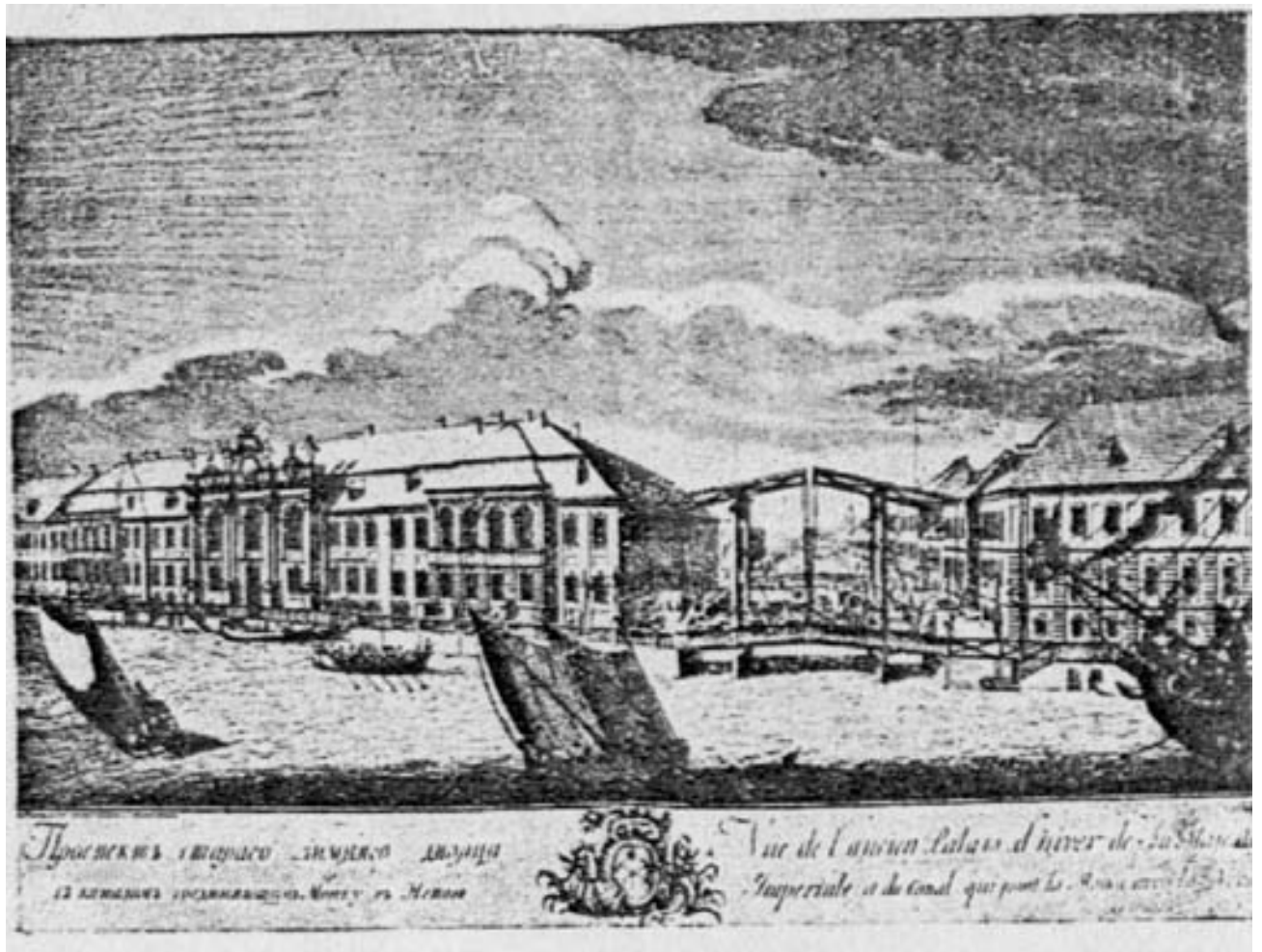
Обложка (Иорданская лестница в Зимнем дворце)  
работы Л. С. Хижинского.

Зимний дворец построен во второй половине царствования имп. Елисаветы Петровны выдающимся зодчим XVIII в., ее “обер-архитектором”, графом Бартоломео Растрелли (Растрелли 1700-1771г.) . Постройка дворца началась в 1754 г., т.е. через пятьдесят лет после основания Петербурга, когда город только что стал застраиваться; сооружению в императорской резиденции огромного и великолепного дворца придавалось в то время весьма важное значение: “строение каменного зимнего дворца строится для одной славы всероссийской и потому следует правительствующему сенату во всех случаях неотменно стараться, чтобы оное безостановочно приведено было к окончанию” – в таких выражениях изъяснял Растрелли волю императрицы, обращаясь в Сенат об отпуске денег на постройку. Со всех концов России были вызваны на работу лучшие мастера; много труда было положено для создания дворца, а истраченные на постройку громадные денежные суммы вызывали, по-видимому, и чрезвычайное напряжение средств страны, т. к. приходилось отпускать деньги не только из “комнатных” сумм, составлявшихся главным образом из сборов за соль – “соляные деньги”, но и из государственных сборов за вино, из так называемых “кабацких” доходов. Дворец строился около восьми лет, а внутренняя его отделка была закончена лишь при Екатерине II в конце 1760-х гг. – Большой пожар во дворце, происшедший в 1837 г., совершенно уничтожил всю внутреннюю его отделку и не оставил нам никаких следов его бывшего великолепия, так как все живописные работы, резные и пр. украшения, исполненные превосходными мастерами того времени, погибли в огне.

Изложение приводимых нами исторических сведений о дворце распадается таким образом на два существенных для дворца периода: первый – от начала постройки и до пожара 1837 года, а второй – от восстановления его в 1839 г. и до наших дней. Но прежде чем перейти к описанию того, как был осуществлен проект Растрелли, следует вкратце ознакомиться с тем, где были первые имп. резиденции в Петербурге, какие здания находились на месте нынешнего Зимнего дворца и чем была вызвана его постройка.

Первый Зимний дворец или, как тогда называли “Зимний дом”, был построен для Петра I в 1711 г. Он находился близ реки Невы, приблизительно на углу Зимней канавки и б. Миллионной улицы, т. е. на месте бывш. Преображенских казарм, а фасад его выходил на Зимнюю канавку; спустя 10 лет, в 1721 г., арх. Маттарнови построил для Петра новые палаты (2-ой Зимний дворец), выходявшие на Неву, на месте нынешнего здания Эрмитажного театра.

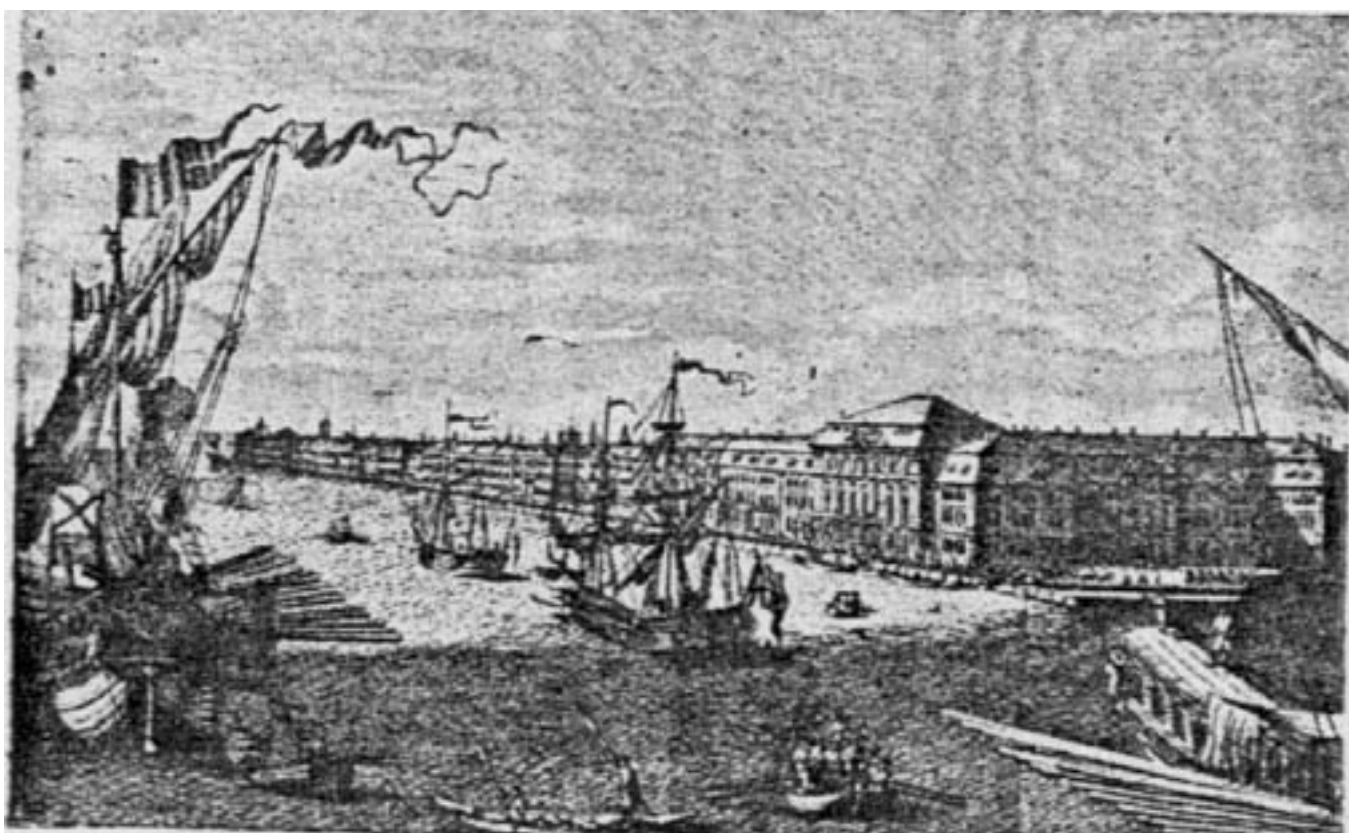
При Екатерине I дворец был заново отделан, но, несмотря на это, имп. Анна Иоанновна не захотела



Второй зимний дворец, 1721 г.

поселиться в нем и, возвратясь в 1732 г. из Москвы после коронации, выбрала для зимнего жительства палаты сподвижника Петра I, адмирала гр. Апраксина, завещанные им Петру II; дом Апраксина находился на набережной Невы, приблизительно на том месте, где теперь угловая часть Зимнего дворца. К палатам Апраксина примыкали по набережной, в сторону Зимней канавки, дома Рагузинского, Крюйса и Олсуфьева, а на сторону к Адмиралтейству выходил дом Кикина. Дом Апраксина служил для Анны Иоанновны лишь временным жилищем, так как уже весной 1732 г. арх. Растрелли начал постройку для нее нового зимнего дворца (3-ий Зимний дворец). Фасады этого дворца были обращены на Неву, Адмиралтейство и на “луговую сторону”, т.-е. на дворцовую площадь; до набережной Невы он примыкал к дому Апраксина. Уже при Анне Иоанновне, а затем и при имп. Елисавете Петровне дворец неоднократно переделывался: к нему пристраивались по луговой стороне некрасивые службы, сараи, конюшни и, в конечном результате, к 1730 гг. он “представлял вид пестрый, грязный, недостойный места им занимаемого” (“Сооружение Зимнего дворца”. Н. Кукольник, “Северный Вестник” 1841 г.) и “самая странность имп. дворца, одним крылом примыкающего к Адмиралтейству, а другим в противоположной стороне, к

ветхим палатам Рагузинского, не могла быть приятна государыне" . В начале 1730-х гг. при имп. Елизавете Петровне Растрелли поручено было обдумать план, как устранить эту пестроту построек, увеличив одновременно дворец; для этой цели он получил распоряжение дворец и дом Апраксина поднять в вышину, а на луговой стороне воздвигнуть новое строение. Но поручение это, очевидно, не могло удовлетворять столь выдающегося зодчего, каким был Растрелли, и у него уже в 1733 году был составлен план постройки нынешнего дворца, подтверждением чему служит хранящийся в Эрмитаже генеральный план: "Новому Зимнему Дому с облегающими строениями", посланный в Москву 12 июля 1733 г. на утверждение имп. Елизаветы Петровны. На плане и из объяснения к нему видно, что Растрелли предполагал поставить на лугу перед дворцом конную статую Петра I, окружив ее колоннадой. Однако проект этот в 1733 г. не был утвержден и решено



Третий зимний дворец, 1730-ые гг.

было ограничиться "некоторыми пристройками" и "распространениями", к чему и было приступлено. Елизавета Петровна в это время находилась в Москве, рассчитывая вернуться в перестроенный дворец летом 1734 г., но по ходу работ было видно, что они не закончатся к этому сроку, и Растрелли в 1734 году уехал для объяснений в Москву, где видимо сумел получить согласие на постройку нового дворца, план которого у него уже был готов. (А.Бенуа "Царское Село" стр.77-78)

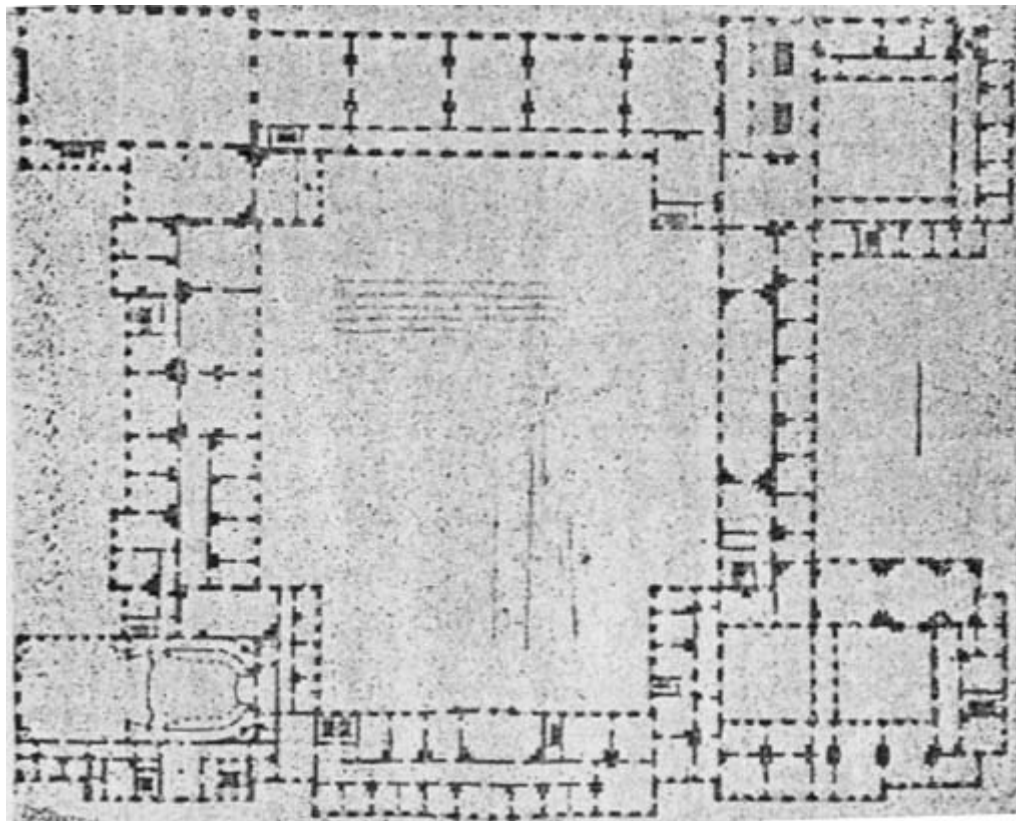
В июне 1754 г. состоялся следующий указ Елисаветы Петровны Сенату о постройке нынешнего дворца: “Понеже в С.-Петербурге наш Зимний Дворец не токмо для приему иностранных министров и отправления при Дворе во уреченные дни праздничных обрядов, по великости нашего императорского достоинства, но и для умещения нам с потребными служителями и вещьми доволен быть не может, для чего мы вознамерились оный наш Зимний Дворец с большим пространством в длине, ширине и вышине перестроить, на которую перестройку по смете потребно до 900.000 рублей, какой суммы, расположа оную на два года, из наших соляных денег взять невозможно. Того для повелеваем нашему Сенату сыскать и нам представить, из каких доходов такую сумму по 430 или 450 тысяч рублей на год взять к тому делу возможно, считая с начала сей 1754 и будущий 1755 годы, и чтобы сие учинено было немедленно, дабы не упустить нынешнего зимнего пути для приготовления припасов к тому строению”. Сенат отпустил 859.555 р. 81 к. “из прибыльных кабацких денег” с тем, чтобы они выдавались в течение двух-трех лет руководителю работ ген. Фермору (Вилим Фермор состоял руководителем работ до 1757 года), в ведение которого поступила учрежденная тогда же “особая контора строения ея и. в-ва зимнего дома”.

Для того, чтобы закончить постройку возможно скорее и с наименьшей затратой средств, Сенат отдал 9 марта 1755 г. следующие любопытные распоряжения: 1) “Реки, впадающие в Волхов и в Ладужский канал, також и в Неву реку, Госну, Мию и др. реки, по которым, что можно достать, – отдать в ведомство канцелярии от строений на три года, чтоб никто ни лесов, ни дров, ни камня там на иные работы не заготовлял кроме оной канцелярии”; 2) выслать по наряду в Петербург на постройку каменщиков, плотников, столяров, литейщиков и пр. мастеров, и 3) командировать для той же цели 3.000 солдат.

Для присылки рабочих были посланы офицеры, объехавшие большую часть России; они выдавали рабочим по 3 рубля каждому на дорогу независимо от расстояния, а по приезде в столицу мастерам приходилось безрезультатно торговаться в “конторе строения” и принимать те условия оплаты труда, какие им предлагали, так как вернуться домой уже представлялось затруднительным.

Вскоре Нева от Смольного монастыря и до места постройки была запружена судами и барками со строительными материалами, а вокруг дворца возник целый рабочий городок; организацией работ ведала указанная выше “контора строения” под общим руководством сначала ген. Фермора, а затем бригадира Данненберга; конторе предписано было не только во всем следовать утвержденному плану, но и руководствоваться в точности указаниями обер-архитектора; об условиях жизни на постройке дает интересный материал статья: “Сооружение Зимнего дворца” Н. Кукольника, напечатанная в 1841 году в “Северном Вестнике”, откуда мы и приводим некоторые сведения. Оплата труда настолько была незначительна, что “при расчетах, за вычетом израсходованных на харчи денег, получать не находилось ничего, а нередко еще и за рабочими оставались кормовые передержки”; “вскоре от перемены климата,

недостатка в здоровой пище и от дурной одежды появились разнородные болезни”; многие рабочие “не могли найти крова, жили на лугу вплоть до Мойки и Невской перспективы в шалашах или в слободах в отдаленных частях города”; хотя беднейшим из них раздавали тулупы и сапоги и делали разные льготы, “но не было устройства и положение работников нимало не улучшалось, а в 1759 году представляло поистине печальную картину. Беспорядки продолжались во все время построения и начали уменьшаться тогда только, когда прекратились некоторые главнейшие работы и несколько тысяч народа разбрелось во-свояси”; “затруднения возобновлялись, а иногда и в худшем виде до того, что в 1757 году многие камешники за неуплатой заработанных денег, ходили по миру и даже, как тогда рассказывали, умирали с голода”. На постройке, где участвовало так много народа, не могло не развиваться воровство, похищали главным образом свиней и потому для “отвращения предосудительных поступков назначены были особые священники, указами повелено было соблюдать посты, исповедываться и причащаться”. “Неизвестно для чего старались еще восстановить силу устаревшего Петровского указа о бородах; ослушным снимали бороды и наказывали; запретили также ходить в русских рубахах, а дела-



План бель-этажа Зимнего дворца, 1759 г.

ли мастеровым, на их счет, сорочки и сапоги немецкие”. Рабочие, как видно, терпели много лишений на постройке; строителю же дворца Растрелли приходилось испытывать много нравственных огорчений, так как работа не спорилась, деньги отпускались крайне неаккуратно: так напр., в 1758 г. отпуск денег почти совсем прекратился, что угрожало полной



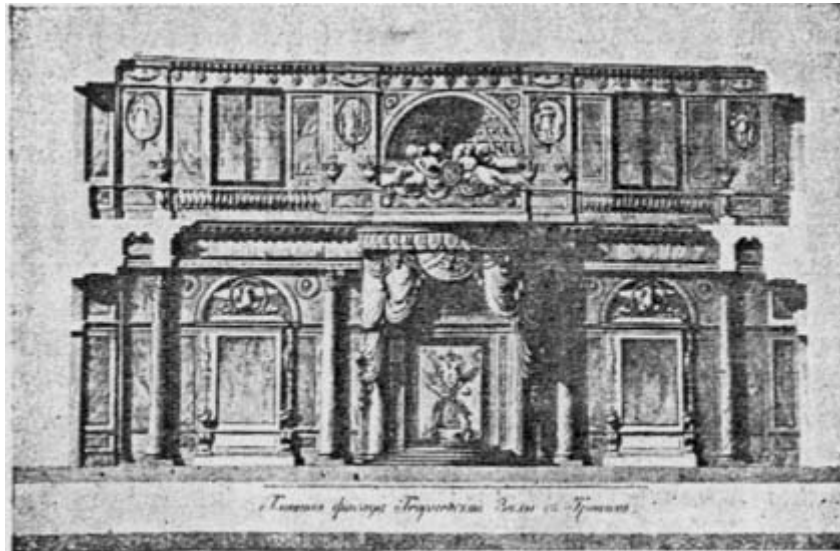
остановкой работ. “Труды и огорчения от остановок были причиной довольно продолжительной болезни Растрелли в ноябре 1760 г.; больной он не переставал действовать; предписания и рапорты подписывал за него его помощник Фельтен”; к весне 1761 г. он поправился и к осени того же года дворец был закончен вчерне. Императрица осматривала свое будущее жилище, осталась им довольна и торопила Растрелли окончанием, неоднократно спрашивая его, когда же будет готов дворец, и получала от него обычный ответ, что задержка происходит лишь из-за неаккуратного и скудного отпуска средств. На время работ Елисавета Петровна переехала 5 ноября 1755 г. в особо выстроенный Растрелли временный деревянный дворец (в районе б. Морской улицы и Невского пр.) и здесь, не дождавшись конца постройки, умерла 25 декабря 1761 г. Преемник ее, Петр III, объявив Растрелли о своем желании переехать в новый дворец на Пасху 1762 г., предоставил в его распоряжение необходимых рабочих и требуемые им деньги, а Растрелли, как пишет в своих донесениях за 1762 г. датский посланник, “обещал изготовить к этому времени 100 комнат”, но так как они были еще не совсем отделаны, то работали день и ночь. Внутренняя отделка – плафоны, десюдепорты (картины над дверями), золотарные и пр. работы были поручены, главным образом, иностранным мастерам – Валериани, Перезинотти, Фонтбасу, Градици, Лепренсу, Жиллету, Дункеру и пр.; велись переговоры с знаменитым итальянским художником Тьеполо о поручении ему написать за 20.000 р. плафон для одного из зал, но проект этот не осуществился.

В последние дни перед переездом Петра III во дворец луг перед ним был настолько загроможден строительными материалами и временными постройками, что ко дворцу нельзя было подъехать, а между тем луг надо было очистить до переезда императора.

Тогда явилась мысль предложить жителям брать себе все, что кому покажется подходящим, о чем и сообщено было по городу через полицию. О последствиях этого распоряжения дает любопытные сведения А. Т. Болотов в своих записках: “И что же произошло тогда от сей публикации. Весь Петербург властно как взбеленился в один миг от того. Со всех сторон и изо всех улиц бежали и ехали целые тысячи народа. Всякий спешил и, желая захватить что-нибудь получше, бежал без ума, без памяти и добежав, кромсал, рвал и тащил, что ни попалося ему прежде всего в руки, и спешил относить или отвозить в дом свой и опять возвращаться скорее. Шум, крик, вопль, всеобщая радость и восклицания наполняли тогда весь воздух”... “Сам государь не мог довольно нахохотаться смотря на оное, ибо было сие перед обоими дворцами – старым и новым”. “И что же, не успело истинно пройти несколько часов, как от всего несметного множества хижин, лачужек, хибарок и шалашей не осталось ни одного бревнышка, ни одного отрубочка и ни единой дощечки, а к вечеру как не бывало и всех щеп, мусора и другого дрязга”.

Во дворце Петр III выбрал для себя комнаты во 2 этаже, выходившие углом на Дворцовую площадь и на б. Миллионную; императрицу он “помещает на отдаленном конце нового Зимнего дворца, а ближе к себе на антресолях свою любимицу, толстую фрейлину графиню Е. Р.

Воронцову”... Секретарь Акад. Наук Штелин рассказывает в своих “Записках”, что при вступлении Петра III во дворец Растрелли поднес ему большой план дворца. Петр, взяв план в свои комнаты, сказал окружающим: “Я должен подарить что-нибудь Растрелли, но деньги мне самому теперь нужны. Я знаю, что сделаю, и это будет для него приятнее денег. Я дам ему свой голштинский орден, он не беден и с амбицией, и примет это за особую милость, и я разделяю с ним честно, не тратя денег”. Возложив орден, Петр оставил его к ужину при дворе. Когда граф с орденом возвратился домой, жена его, заплакав от радости, едва не лишилась чувств. В этом новом дворце император поместил и молодую принцессу Голстейн-Бок в особом флигеле, на дворе, вместе, с ее гувернанткой ... каждое утро в 11 ч. был перед дворцом парад”. Петр III “поручил ст. сов. Штелину, как своему главному библиотекарю, устроить библиотеку в мезонине его нового зимнего дворца в Петербурге, для чего были назначены 4 большие комнаты и 2 для самого библиотекаря”(“Записки Штелина об имп. Петре III -1866г.) . Несмотря на то, что внутренняя отделка дворца еще не была закончена, в апреле 1762 г, в нем уже происходил ряд празднеств.



Тронное место в Георгиевском зале, арх. Гваренги, 1793 г.

Пребывание Петра во дворце было недолгим, всего 3 месяца, так как 12 июня 1762 года он переехал из Зимнего дворца в Ораниенбаум и более не возвращался в столицу.

За три дня до его отъезда в Зимнем дворе состоялся парадный обед, имевший для Петра роковые последствия: на этом обеде Петр громко назвал Екатерину II “дурой” за то, что она не встала, когда провозгласили здравицу за императорскую семью. Петр хотел даже ее арестовать после обеда. Этот случай, как писала впоследствии Екатерина польскому королю Понятовскому, повлиял на ускорение сделанного ею переворота, который произошел, как известно, вне стен Зимнего дворца.

Никаких описаний комнат дворца, относящихся ко времени окончания его постройки, т.е. к весне 1762 года, не сохранилось и единственным источником, откуда могут быть нами почерпнуты сведения о первоначальной, сделанной Растрелли, планировке зал, служат сохранившиеся в Эрмитаже планы 1 и 2 этажей дворца от 1759 г. и план 2 этажа от 1762 г. (см. рис.). Судя по этим планам, самые большие парадные залы находились во 2 этаже и выходили окнами на Неву, к ним вела, как и теперь, грандиозная Иорданская или, как она прежде называлась, посольская лестница. С площадки этой лестницы был вход в указанные выше залы на Неву, которых было пять (все приблизительно одной величины-из них три средних зала составили впоследствии нынешний Николаевский зал). Они назывались аван-залами, так как вели к шестому громадному Тронному залу (Тронный зал занимал все пространство комнат Николая II, выходящих на Неву, т.е. Малахитовый зал, две гостиных и угловой на Неву и Адмиралтейство кабинет Александры Федоровны).

Этот план распределения парадных комнат уже был применен Растрелли при постройке им Большого Царскосельского дворца, где несколько антикамер вели также к большому залу. Прочие парадные покои выходили главным образом во двор; из них следует отметить еще один большой зал, или вернее галерею в 9 окон, находившуюся на месте нынешнего Гербового зала. Большая дворцовая церковь была построена Растрелли в угловом выступе дворца, обращенном на площадь и на б. Миллионную улицу, т.е. там, где она находится и ныне. Растрелли построил во дворце, как это видно на плане, большой придворный театр в четыре яруса; он занимал выступ дворца на площадь и на Адмиралтейство.

Член Берлинской Академии Наук Бернулли, приезжавший в Петербург в 1770 г., дает любопытное описание этого театра, указывая, что для Академии Наук были предоставлены постоянные ложи в 3-м ярусе: “мы поехали во французскую комедию; она дается по вторникам и пятницам на иждивении царского двора на придворном театре, в Зимнем дворце. Помещение уступает в размерах Берлинскому оперному дому и сцена уже, но партер показался мне длиннее. В нем 4 яруса лож и убранство не очень роскошно. Царицыных мест – три: одно совсем позади, насупротив сцены, как в Берлине ложа королевы; другое – позади самого оркестра, как у нашего короля, и третье – над сценою, где можно сидеть невидимо для публики. В тот же вечер шли две оперетки: “Maitre en droit” и “Le tableau parlant”. Музыкаю я был очень доволен, менее актерами. Хотелось иметь получше место, ибо ложи Академии в 3-м ярусе и слишком близко к сцене. Я не имел случая быть в этом театре на итальянской опере, которая летом не дается. На этом же придворном театре, по разу в неделю, кроме дней постных, даются русские трагедии и комедии”. Бернулли не был на них, но сообщает со слов акад. Штелина, что “превосходный Дмитревский, неподражаемое дарование которого известно и в Берлине”, получает годового жалованья 960 руб. (Р.Арх.1902г.Т.1,стр.7). В театре, при Екатерине, ставили также и балеты; десятилетний сын Екатерины Павел выступал иногда в балете, но детей привозить на спектакли, как правило, было строго запрещено.

С воцарением Екатерины II в жизни дворца наступает небольшой перерыв по случаю отъезда ее в сентябре 1762 г. в Москву на коронацию; летом 1763г. она возвратилась в Петербург, где жила в Летнем дворце (находился у Летнего сада на месте нынешнего Инженерного замка) до 14 октября 1763 г., когда состоялся “с обыкновенной церемонией” ее переезд “в Зимний каменный дом”; на другой день туда же переехал ее сын Павел; с 22 октября блестящая придворная жизнь начинается в новом дворце публичным маскарадом, а с 15 декабря открываются двери и “нового оперного дома” во дворце.

Дворец в течение первых 10 лет царствования Екатерины достраивался и украшался внутри, но Растрелли уже не принимал более участия; работы производились под наблюдением главного директора над строениями П. Бецкого, а на смену Растрелли (в 1764 г. он уехал, получив 1.000 руб. на дорогу и ежегодный пенсион в 1.000 руб.) явились его помощники Чевакинский и Фельтен и новые архитектора – Валлен де-ла Мотт (строитель Эрмитажного павильона) и Гваренги. В живописных работах участвовали иностранцы – Торелли, Гуаранси, Ангели и др. К концу 1760-х гг. дворец был закончен и расход на его постройку простирался приблизительно до двух с половиной миллионов рублей, сумма по тому времени огромная.

До 1780 гг. никаких существенных переделок во дворце не происходило. В 1783 г. по указу Екатерины произведен был отпуск денег на сломку дворцового театра и на “переделку из бывшего театра покоев”, и тогда же арх. Гваренги было поручено построить для придворных спектаклей новый Эрмитажный театр.

Затем в 1790 гг., к концу царствования Екатерины, три средние парадные аван-залы на Неву подверглись полной переделке, а именно – вместо трех зал был сделан один “большой мраморный зал” длиной в 29 саж. и шириной до 9 саж. (впоследствии Николаевский зал), а гран-



Большой мраморный зал арх. Гваренги, 1790-ые гг.

диозный Тронный зал, к которому вели, как было сказано выше, антикамеры, был переделан на ряд комнат, предоставленных для житья любимому внуку Екатерины – Александру, только что женившемуся. Этими переделками был нарушен уже и самый план дворца.

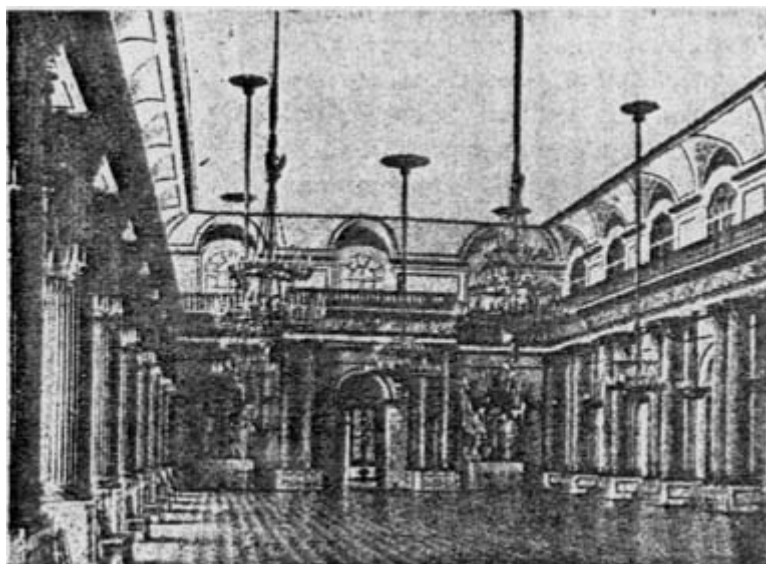
На “половине” Александра I была построена еще в 1768 г. небольшая церковь (нынешняя малая церковь). Описаний комнат дворца в XVIII в. не сохранилось, и только в записках Федора Головкина мы находим указание об отделке одной из комнат, а именно спальни Александра I: “начали устраивать ту часть Зимнего дворца, которая составляет угол на Неву и Адмиралтейство. Туда поместили зеркала и сделали бесценную обивку. Спальня являла образец элегантности и роскоши. Обивка стен была из белой лионской материи с вышитыми по бордюру розами; колонны алькова, двери и панели из розового стекла (сравн. спальню Екатерины с стеклянными колоннами в Ц. Селе), оправленные в золоченую бронзу с белыми барельефами; они были подложены под эти прозрачные массы и казались плавающими в неопределенном пространстве, выходящем за пределы комнаты”. Дворец в отношении отопления, видимо, оставлял желать многого, на что указывает в своих письмах за 1787 г. гр. П. Б. Шереметев: “вздумай только, что я всякий день во дворце два раза. Я сам дивлюсь, как меня достает и вечер был в антресолях: так называются парадные покои на подобие мусии (т. с. музей), толь очень холодно в них, они почти не топятся” ... “а холод везде несносный... все комельки, а печи только для виду и не закрываются неколи”... “видел славный дом Федора Матвеевича (т. е. Апраксина или Зимн. дворец). Славны бубны за горами! Меня еще ничто не удивило здесь окромя антресолей государыни... а и в

них холодно и несет, то в истинну сказать, что со вкусом и преобогато убраны и редкостей много особливо вроде китайских вещей. В Эрмитаже еще я не бывал, потому что очень холодно. Она (т. е. Екатерина) не очень здорова – насморк и кашляет” (“Отголоски XVIII века”, вып. VI, СПб., 1899. Письма П.Б.Шереметева к “калмычке” Анне Николаевне)...О новом большом мраморном зале, построенном вместо трех антикамер, упоминают два французских путешественника в своих записках о России за 1791 — 1792 гг.(Voyage de deux Francais en Allemagne, Danemarck, Suede, Russie et Pologne, fait en 1790-1792. ): “в 1791 г. была построена другая большая зала или, вернее, галерея с большим балконом, выходящим на Неву, длиною в 30 саж., шир. в 9 саж., по проекту Гваренги; она назначалась для празднеств по случаю мира. Там должны были быть портьеры из зеркал соответственно окнам между каждой; в зале – никаких статуй”.

На замену упраздненного Тронного зала Гваренги построил новый (Георгиевский), который образовал самостоятельную пристройку в сторону Эрмитажа. Зал был закончен и открыт в день орденского праздника св. Георгия 26 ноября 1795 г. Те же два французских путешественника об этом зале сообщают следующее: “Мы узнали, что новая Тронная зала должна быть в сторону Эрмитажа на менее удобном и темном месте; Мы остаемся в убеждении, что прежнее место Тронной залы было неизмеримо лучше ... Нас уверяют, что вполне безразлично хорошо или плохо освещается Тронная зала, так как ею пользуются только вечером” ...

Тронный зал был сделан из разноцветного мрамора и обошелся в 782.556 р. 47 1/2 к.(А.Успенский. Импер.дворцы.Зап.М.Арх.Института,т.-XIII.) Два плафона были расписаны известным французским художником Дуайен, а третий худ. Питтони; трон отличался великолепием, к нему “вели 6 мраморных ступеней, на которых возвышались боковые стены с арками, орнаментами и задняя с богатым по верху архитравом из мрамора же белого и серого; по сторонам стояли две огромные вазы; превосходные статуи “Вера” и “Закон”... поставлены в первых двух от трона нишах, устроенных архитектором Старовым”....

Екатерина II, как пишет в своих записках ее секретарь Грибовский, “в зимнее время имела пребывание в большом Зимнем дворце, в среднем этаже, над первым малым подъездом, против Брюсовского дома, где ныне находится экзерциргауз”(т.е. комнаты нынешней 2-ой запасной половины дворца, выходящие на площадь и на бывш.Миллионную ул. Экзерциргауз построен Павлом I для смотров и учений в 1797 г.).



Гербовый зал.

В описании дворца, помещенном в упомянутых выше записках двух французов, они говорят о комнатах Екатерины следующее: “апартаменты государыни весьма простые: перед залой для аудиенций маленький застекленный кабинет, где хранятся под печатями корона и бриллианты ее; зал для аудиенций очень прост: подле двери – трон красного бархата; затем идет гостиная, отделанная деревом и позолотой с 2 каминами, до смешного маленькими. Эта комната, служащая для приемов, сообщается с апартаментами вел. князя, где нет ничего примечательного, так же как и в комнатах его детей”(Павел к концу царствования Екатерины занимал комнаты в задней части дворца, выходящие на Адмиралтейство).

В третьем этаже дворца жили фрейлины и придворные служителя, а в нижнем этаже находились кухни, аптека, сервизные кладовые, помещался караул и жили придворные служителя; большая часть комнат нижнего этажа имела антресоли.

При Екатерине во дворце часто устраивались балы и маскарады; во дворец приезжали по билетам “в масках, а не в платье маскарадном, кто в каком хочет”; “малолетние ниже 13 лет” в маскарад не допускались; запрещено было иметь при себе также: “сабель, кинжалов и прочего” ... “учителя и учительницы” не могли быть на маскараде...(А.Успенский.Имп.дворцы) .

Один из блестящих маскарадов по случаю приезда принца пусского Генриха в 1770 г. Екатерина описывает сама в письме к Вольтеру: “Это был маскарад, на котором собралось 300 человек.(Декоративная часть была поручена арх.Ринальди.В Эрмитаже хранятся рисунки декорации Ринальди и планы зал, где был маскарад.Ужин был устроен в большом тронном зале). Перед ужином вошел Аполлон, времена года и 12 месяцев, их представляли дети от 8 до 10 лет, взятые из учебных заведений, учрежденных мною для дворянства. Аполлон краткою речью пригласил общество отправиться в залу, приготовленную временами года; потом он приказал своей свите поднести дары тем, кому они были предназначены... 120 лиц, которые

должны были ужинать в зале времен года, отправились туда; она была овальная и заключала в себе 12 нишей, в каждой из них стоял стол на 10 человек. Каждая ниша представляла один месяц в году и комната была сообразно тому убрана. Над нишами устроили галлерею, которая шла кругом и где кроме толпы масок было 4 оркестра. Когда сели за стол, то 4 времени года, шедшие за Аполлоном, стали танцевать балет со своей свитой. Вслед за сим прибыла Диана и ее нимфы. По окончании балета раздалась музыка, сочиненная Траеттом для детей этой залы и вошли маски. В конце ужина явился Аполлон, приглашая общество на спектакль, приготовленный им в комнате, смежной с залом. Там устроен был театр, где эти же дети сыграли маленькую комедию “оракул”; после чего собрание так забавлялось танцами, что разошлось не прежде 5 часов утра”(Сборник И.Русского Историч.О-ва,т.ХІІІ,стр.48,49). Маскарады бывали иногда очень многолюдны; так, например, в 1772 году для приглашенных были предоставлены свыше 20 зал. О том, как часты были развлечения при Екатерине, можно судить по ее письму к Гримму, в Париж, от 6 февраля 1778 г.: “До поста осталось каких-нибудь 2 недели и между тем у нас будут 11 маскарадов, не считая обедов и ужинов, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию”.

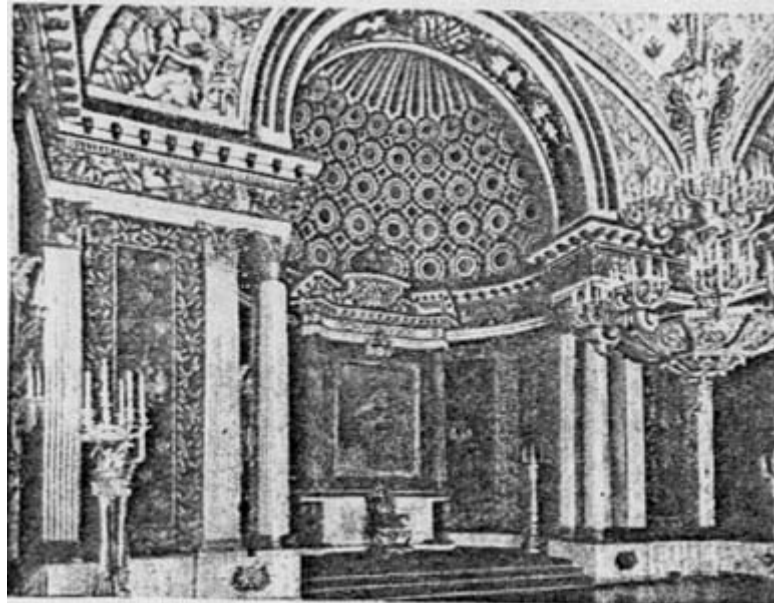
Заканчивая описание дворца при Екатерине II, приводим из записок Гарновского любопытный случай “подачи петиции” Екатерине депутатами от 4.000 рабочих, явившихся неожиданно перед дворцом 7 августа 1787 г. Этот случай несколько напоминает петицию рабочих Николаю II – 9 января 1905 г. “По утру явились на площади против Зимнего Дворца 400 мужиков, присланных депутатами от 4.000 рабочих, находившихся при отделке берегов Фонтанки, с жалобой ее и. в-ву на подрядчика Долгова, крайне их притеснявшего. Собравшись на площади мужики тотчас дали знать о себе, что они не простые зрители, а челобитчики. Всякий раз, когда случалось какой-нибудь даме подойти в комнатах государыни к окошку, они, принимая ее за императрицу, кланялись низко и показывали в руках жалобу. Екатерина, узнав о сем, изволила посылать к ним нескольких особ, одну за другою, которые обнадеживали их от имени ее и. в. скорым удовлетворением их просьбы, с тем только, чтобы они разошлись и отнюдь бы толпою праздно на площади не собирались. Но средство сие не возымело желаемого действия. Мужики упорно настаивали на том, что хотят просить сами государыню, и уверяли увещевавших их господ, что они не собралась бы толпою, если б прежде посланные от них в Царское Село с жалобой к ее и. в-ву два мужика не были взяты под стражу, и особливо досадили они дежурному ген. адъютанту Ангальту, сказав ему, что они с ним, как с немцем, не знающим по русски, и говорить не хотят. Пополудни удалось захватить из них 17 человек, кои были за караулом отправлены в уголовный суд с тем, чтобы были осуждены в учинении скопа и заговора. Сие увидя, прочие немедленно разбежались”.(Гарновский.Двор Екатерины II.Р.Старина.1876г.)

Блестящая жизнь екатерининского двора, свидетелем которой дворец был более 30 лет, прекратилась со смертью Екатерины 6 ноября 1796 года; она умерла, как известно, в Зимнем дворце в уборной, возле спальни.



Придворная жизнь при Павле и затем в XIX веке носит уже несколько другой характер; дворец становится местом однообразных официальных церемоний, без того блеска и пышности, которые так присущи были XVIII веку.

Первый придворный выход в церковь дворца при Павле состоялся в полночь 6 ноября для принесения ему присяги. Через месяц остан-



Петровский или малый тронный зал.

монии с неперменным участием, по воле Павла, убиец его отца, и в Гербовом зале, на особом возвышении, был воздвигнут так называемый “Castrum doloris”, небольшой павильон, с колоннами вокруг и куполообразной крышей; здесь стояли два гроба, один с телом Екатерины и другой с прахом Петра III.

Камер-фурьерский журнал в царствование Павла пестрит описанием частых дворцовых церемоний, к которым у него была такая же страсть, как к военщине; он пользовался малейшим поводом (церковные праздники, именины членов семьи, орденские праздники), чтобы показаться в торжественной обстановке, напомнить лишний раз, что он император. На парадных обедах в Георгиевском зале стол для Павла ставили на возвышении, сделанном для трона, под балдахином.

Но присутствие во дворце на приемах превратилось в пытку для придворных, так как никто из них не был застрахован от сумасбродных выходок Павла ... Так, напр., однажды, после обедни, как пишет в своих записках Головкин, один из присутствовавших на выходе был замечен в том, что он причесан не так, как это полагалось при дворе Павла, и потому был выведен на двор, где караульный барабанщик причесал его на барабане, в то время как Павел смотрел на него со свитой из окна дворца. Нередки были отправки гостей с бала в Петропавловскую крепость или на гауптвахту.

Павел выбрал для себя ту же часть дворца, где жили его отец и мать, но оставаться на жительство в Зимнем дворце не собирался; дворец был, повидимому, тягостен ему по воспоминаниям, и уже с февраля 1797 г. для него строится архитектором Бренна новое жилище – Михайловский (Инженерный) замок... Под руководством Бренна происходили некоторые переделки комнат Зимнего дворца, не внесшие существенных изменений в план, были исправлены и заново написаны некоторые плафоны (худ. Скотти).

Из Зимнего дворца Павел переехал в новоотстроенный Михайловский замок 1-го февраля 1801 г., а на рассвете 12 марта того же года новый император Александр I, приняв присягу войскам на площади дворца, поселяется снова в Зимнем” и дворец уже неизменно остается до весны 1904 г. зимним императорским жилищем .(С зимы 1904 г. Николай II жил и в зимнее время в Царском Селе)

При Александре I дворец хотя и служит местом для его зимнего пребывания, но постоянные его отъезды из столицы, сначала в армию по случаю войн с Наполеоном, а потом на конгрессы и, кроме того, однообразный характер придворной жизни дают мало материала для того, чтобы отметить Александровское время чем-либо особенным в отношении дворца.

Угроза Петербургу после занятия Наполеоном Москвы в 1812 году вызвала распоряжение Александра вывезти наиболее ценное дворцовое имущество вместе эрмитажными сокровищами в Олонецкую губернию, откуда вещи вернулись весной 1813 г.

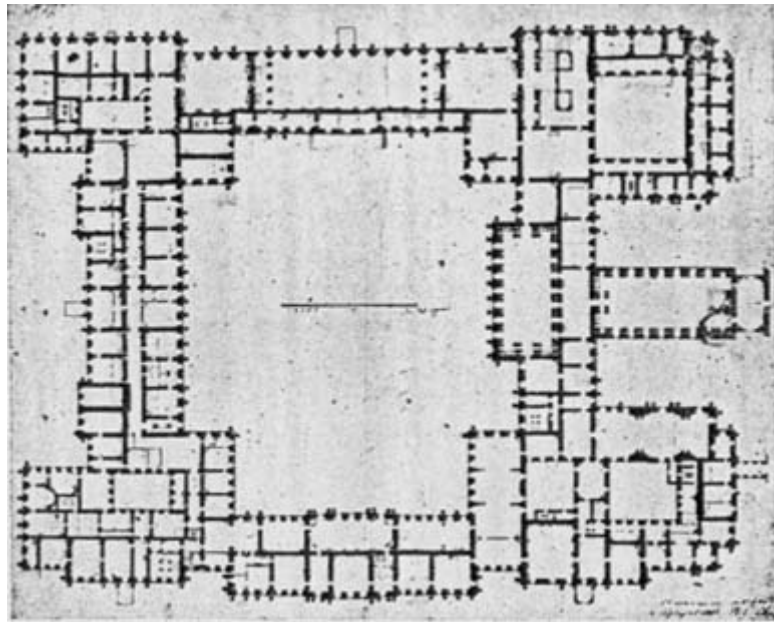
Приезд в Петербург в 1818 г. союзника Александра, прусского короля Фридриха-Вильгельма III, послужил причиной заново отделать для него всю ту часть дворца, где жил Павел; работа была поручена архитектору Росси, и самые комнаты долгое время носили название “прусской половины”. К тому же 1818 году относятся сделанные под руководством Росси и другие переделки во дворце и, главным образом, возобновление его убранства, сильно обветшавшего к этому времени; сумма, затраченная на это дело, выразилась в 559.845 р., при чем на убранство (мебель, бронза, фарфор, зеркала и пр.) было истрачено 297.520 р., не считая работы (одной мебельной материи “с бордюром” вышло 3.455 арш).(Одновременно под руковод. арх. Стасова были произведены такие же работы по Царскосельским и Петергофским дворцам на 508.000 руб.) . Кроме Росси в работах по дворцу при Александре I участвовал также архитектор Стасов; ему же поручалось неоднократно устройство временного большого деревянного балкона, с двумя боковыми лестницами до земли, над главными воротами дворца; балкон служил для церковной службы во время церемоний в день годовщины занятия Парижа русскими войсками.

Дворец пережил большое наводнение в 1824 г., но вода не достигла жилых помещений I этажа, и были залиты лишь подвалы; о высоте подъема воды имеется доска.

В 1818 г., находясь на конгрессе в Ахене, Александр имел случай видеть там работы художника-портретиста Доу и поручил ему написать для Зимнего дворца портреты свыше 300 участников войны 1812 года; для размещения их архитектор Росси построил в 1826 г. особую большую галерею между Гербовым и Георгиевским залами.

Пушкин в стихотворении “Полководец” упоминает об этой галлее: “У русского царя в чертогах есть палата: она не золотом, не бархатом богата. Не в ней алмаз венца хранится под стеклом, но сверху донизу во всю длину кругом, своею кистию свободной и широкой ее разрисовал художник быстрокий” ...

Александр I жил в той части дворца, которая выходит углом на Неву и на Адмиралтейство (впоследствии комнаты Николая I и Николая II); для его матери имп. Марии Федоровны была отведена половина, выходившая на площадь (ныне 1-я запасная). На плане (1818г.) бель-этажа видно, что выходящие во двор комнаты нынешней 1-ой запасной половины имели другой вид,



План бель-этажа Зимнего дворца, 1818 г.

а именно здесь были три больших зала, из них средний был овальной формы (“Кавалерское зало”), а в примыкающем к Александровскому залу находился трон (“Тронный зал”).(На плане 1759-1762 гг. этих зал нет).

В декабрьские дни 1825 года Николай I переехал во дворец 12 декабря из Аничкова дворца, где жил со времени женитьбы; из Зимнего дворца идут 14 декабря все распоряжения, сюда же стягиваются на защиту войска и здесь же в комнатах в. кн. Михаила Павловича (впоследствии “Учебный кабинет” Александра II) происходят первые допросы декабристов, которые вскоре переносятся в Эрмитаж (ныне зал Мейссенского фарфора на Неву), куда Николай I переехал временно до устройства его комнат в Зимнем; эти

комнаты находились в части дворца, выходящей на Неву и Адмиралтейство и расположены были в 3-х этажах: в 1-м – небольшой кабинет (ныне существует), в бель-этаже – комнаты имп. Александры Федоровны и в верхнем – личные комнаты Николая I (впоследствии комнаты Александра Ш, а ныне Музей Революции); личные комнаты украшены были картинами из Эрмитажа (Доменикино, Мурильо и др.), а для кабинета взяты из Эрмитажной кладовой “5 картин, бывших на антресолях, представляющих революцию 1762 г.” (т. е. восшествие на престол Екатерины II). (Архив Гос. Эрмитажа, дело 1826 г.) Дворец заполняется при Николае I исключительно картинами с военными сюжетами; художники-баталисты, преимущественно иностранцы, Крюгер, Ладюрнер, Гесс, Коцебу, пользуются особым вниманием Николая I и произведения их кисти покрыли стены дворца.

Росси участвует, кроме постройки в 1826 г. галереи 1812 г., еще в 1827 году в переделках и отделке комнат имп. Марии Федоровны; с ним работают художники Скотти и Туричелли (плафоны), но новое царствование выдвигает вскоре других архитекторов, работающих во дворце; в Эрмитаже хранятся рисунки и планы большого Фельдмаршальского и Петровского зал, исполненные Монферраном в 1827 г.; работы по устройству Петровского зала закончены в 1833 г.; кроме Монферрана в работах по дворцу участвуют арх. Стасов и А. Брюллов, о чем будет сказано дальше; в декоративных работах принимали участие арх. Шарлемань 2-й, Ефимов и др.

30 августа 1834 г. перед Зимним дворцом состоялось открытие Александровской колонны, воздвигнутой по проекту арх. Монферрана; для церемонии ее открытия снова был устроен над воротами дворца временный деревянный большой балкон.

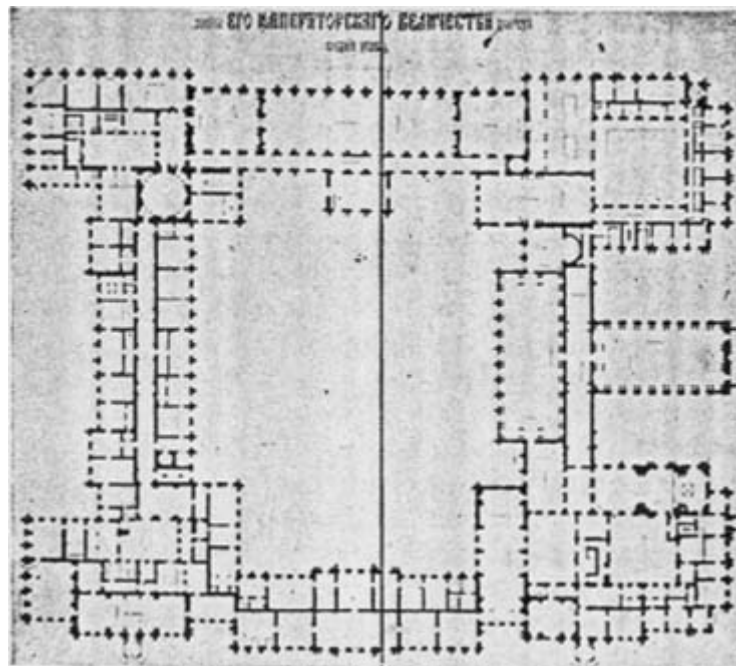
В 1835 г. на крыше дворца построен “телеграфический обсервационный домик с покоями для директора телеграфической линии, его помощников и сигналистов” (оптический телеграф).

Обращаясь к хронике придворной жизни, следует отметить грандиозный маскарад, состоявшийся 1 января 1837 г.; для входа во дворец было роздано около 30.000 билетов; подобные маскарады устраивались в Зимнем дворце традиционно в день нового года еще со времен Елисаветы Петровны, и последние два таких маскарада состоялись в 1839 и 1841 г. г. (На подобных маскарадах было установлено, что только дворяне могут и должны носить домино розового цвета, а залы, отведенные для публики, разделялись в XVIII в. на “дворянские” и на “мещанские”, о чем указывает Порошин в своих записках.).

---

17 декабря 1837 г. в Зимнем дворце произошел пожар, продолжавшийся несколько дней и уничтоживший весь дворец, остались одни голые обгорелые стены. Расследование о причинах пожара установило, что причиной его “был отдушник, оставленный не заделанным

при последней переделке большой Фельдмаршальской Залы”; отдушник “находился в печной трубе, проведенной между хорами и деревянным сводом залы Петра Великого, расположенной бок-о-бок с Фельдмаршальской, и прилегал весьма близко к доскам задней перегородки. В день несчастного происшествия выкинуло из трубы, после чего пламя сообщилось через этот отдушник доскам хоров и свода залы Петра Великого; ему предоставляли в этом месте обильную пищу деревянные перегородки; по ним огонь перешел к стропилам. Эти огромные стропила и подпорки, высушенные в течение 80 лет горячим воздухом под накаливаемой летним жаром железной крышей, воспламенились мгновенно”.(А.Башуцкий "Возобновление Зимнего дворца".1839г.,стр.51-52). Записки Мирбаха, бывшего начальником караула, стоявшего в большой Фельдмаршальской зале, несколько рознятся от приведенного официального объяснения причины пожара; он видел, как из-под пола на пороге Фельдмаршальской залы в коридор, где были комнаты министра двора, показался дым и когда вскрыли пол, то оттуда показа-



План бель-этажа Зимнего дворца, 1888 г.

лось пламя. Когда Мирбах заметил впервые суету во дворце и дым, он спросил лакея, в чем дело. “Даст бог ничего, – отвечал мне старый лакей, – дым внизу в лаборатории, где уже два дня, как лопнула труба; засунули мочалку и замазали глиною; да какой это порядок. Бревно возле трубы уже раз загоралось, потушили и опять замазали; замазка отвалилась, бревно все тлеет, а теперь, помилуй бог, уже и горит. Дом старый, сухой, сохрани боже”. Мирбах далее пишет: “Мне, однако, разумеется не приходило и на мысль позволить кому-либо из солдат покинуть пост. Я собрал только ближайших к караулу часовых, стал дружески уговаривать всех покориться нашей судьбе, которой и я не избегну вместе с ними, велел присесть на корточки (караул был в обтянутых лосинах и ботфортах, что почти не

давало возможности сидеть) так как внизу дым был менее удушлив, и запереть двери в Петровскую и в малую Аван-залу”. Николай I с женой был в Большом театре, когда узнал о пожаре; никому не говоря в театре о пожаре, он уехал во дворец, увидел здесь, что бороться бесполезно, и приказал спасать лишь обстановку и отстаивать Эрмитаж, что и было исполнено; вещи складывали на площади, в Адмиралтейство и в Главный штаб; большой опасности подвергалась бесценная картина Рафаэля “Георгий Победоносец”, висевшая как образ в галлерее 1812 г., но была вынесена распоряжением эрмитажных служащих вместе с портретами генералов. Три дня горело это обширное пожарище; пламя не довольствовалось, пока не сокрушило всего без изъятия, “пока не остался один величественный и печальный вид гигантского остова”.(А.Башуцкий "Возобновление Зимнего дворца" 1839г. стр.63). Итак, от внутренней отделки, исполненной по проектам Растрелли, Гваренги и др. выдающихся мастеров XVIII в., не осталось ничего. Существует мнение, будто сохранилась от Растрелли отделка парадной (Иорданской) лестницы. Вряд ли это так. Во-первых, пожар именно начался в районе лестницы (в большой Фельдмаршальской зале), и потому едва ли можно думать, что прежде всего начали отстаивать и отстояли лестницу, когда огонь угрожал парадным залам; во-вторых, в книге “Возобновление Зимнего дворца”, вышедшей в 1839 г., т.-е. через полтора года после пожара, автор ее, Башуцкий, сын петербургского коменданта, говорит о возобновлении лестницы следующее: “Портик или перистиль (т.-е. на площадке 2-го этажа Иорданской лестницы) состоит из 10 огромного размера колонн, из превосходного темно-серого сердобольского гранита”, и в этом месте автор, в примечании, указывает: “Прежде эти колонны и пилястры были штукатуренные, под грязно - красный мрамор, расписанные аль - фреско, сколько можно судить по найденным кускам штукатурки. Баллюстры были деревянные, подделанные под мрамор; если бы нас обманывала в этом случае память, то доказательством может служить то, что не найдено после пожара ни малейшего осколка мрамора; лепные украшения, прежде довольно тощие, были крашены желтою краскою, может быть по слинялому золоту”. Кроме того, смотритель дворца Баранович в составленном им рукописном описании пожара и возобновления дворца определенно говорит: “Вновь устроена парадная лестница; все украшения позолочены по белому грунту и исполнены в новом вкусе”.

29 декабря 1837 г. была образована особая комиссия по возобновлению дворца; в нее вошли архитектора: Штауберт, Стасов и А. Брюллов (брат известного художника); к работам были привлечены лучшие выпускные ученики Академии Художеств: Шрейбер, Монигетти, Шебуев, Ухтомский и др. Все сметы составлялись Стасовым и Брюлловым, каждым особо; Стасову было поручено возобновление здания вообще, наружная его отделка и отделка обеих церквей и всех парадных зал, а Брюллову – отделка собственных комнат Николая I и Александровской залы. Основное задание, поставленное комиссии, заключалось в том, чтобы большая часть дворца была возобновлена точно так, как она существовала до пожара, но, конечно, осуществить это задание было невозможно и потому восстановление дворца является слабой попыткой воскресить его былое великолепие.

Немедленно после пожара дворец был покрыт лесами, в работах принимало участие от 6.000 – 8.000 человек ежедневно, и через год с небольшим, а именно к пасхе 1839 г. дворец был возобновлен в большей своей части; стоимость работ определялась до восьми миллионов рублей ассигн.(Рубль серебра = 3р.50к. ассигнациями.)

Приводим интересный отзыв о дворце француза маркиза Кюстина, посетившего Петербург в 1839 г., как раз к моменту окончания работ; свойственные французской нации экспансивность и пафос отразились в его записках, которые были запрещены в России. Кюстин пишет так: “В течение года дворец возродился из пепла... Чтобы работа была кончена к сроку, назначенному императором, понадобились неслыханные усилия... Во время холодов от 25 до 30 градусов шесть тысяч неизвестных мучеников, мучеников без заслуги, мучеников невольного послушания были заключены в залах, нагретых до 30 градусов для скорейшей просушки стен. Таким образом эти несчастные, входя и выходя из этого жилища великолепия и удовольствия, испытывали разницу в температуре от 50 до 60 градусов... Мне рассказывали, что те из этих несчастных, которые красили внутри самих нагретых зал, были принуждены надевать на головы нечто вроде шапок со льдом, чтобы иметь возможность сохранить свои чувства в той жгучей температуре... Я испытываю неприятное чувство в Петербурге с тех пор, как видел этот дворец и как мне сказали, жизни скольких людей он стоил... Версальские миллионы кормили столько же семей французских рабочих, сколько славянских рабов убила 12-месячная работа в Зимнем дворце... Царское слово обладает творческой силой... Да, оно оживляет камни, но убивая для этого людей... Новый имп. дворец, вновь отстроенный с такими тратами людей и денег, уже полон насекомых. Можно сказать, что несчастные рабочие, которые гибли, чтобы скорее украсить жили-



Николаевский зал.

ще своего господина, заранее отомстили за свою смерть, привив своих паразитов этим смертоносным стенам; уже несколько комнат дворца

закрыты, прежде чем были заняты...”(Marquis de Custin,"Russie en 1839").  
Даем здесь краткий обзор парадных помещений дворца, возобновленных Стасовым.

Парадная (Иорданская) лестница сохранила растреллиевский план и размеры и только в этом отношении являет сходство с прежней лестницей; по стенам были поставлены новые алебастровые статуи: “Верность” и “Справедливость” (раб. Леппе), “Величие” и “Изобилие” (раб. Устинова), “Марс” и “Меркурий” (раб. Мануйлова) и “Мудрость” и “Правосудие” (акад. Терebeneва); плафон, бывший до пожара, погиб и на его место помещен (находится и ныне) один из плафонов елисаветинского времени из кладовых Эрмитажа; на плафоне изображен “Олимп”; форма плафона четырехлопастная с полукруглыми боками; остававшееся пространство с паддугой приказано было “росписать сходно прежнему стилю, в каком была лестница”; реставрация обошлась в 5.700 р.; живописную работу исполнил реставратор Гамяница, а механическую – первый русский реставратор Эрмитажа Митрохин. В первом зале от лестницы, на Неву, в так называемом “Аван-зале”(длина 9 саж.2 арш. 2 верш., шир.8 саж.1 арш. 15 вершк., а высота, как и всех зал бельэтажа, до 6 саж.) стиль Растрелли уже значительно ослаблен; стены сделаны из стюка (искусственный мрамор); плафон “Жертва Ифигении” до 1830 г. находился в Концертном зале Зимнего дворца, откуда был снят и отправлен в Москву и возвращен в этот зал после пожара. Из Аван-зала дверь ведет в “большой” или “Николаевский” зал(длина 28 саж.1 арш. 12 вершк., шир.8 саж. 1 арш.15 вершк.), который был всецело и неудачно “пересоздан” Стасовым и ни в коей мере не напоминает прежнее создание Гваренги, с его выступавшими при входах на 1/6 залы колоннами, поддерживавшими хоры; колонны сделаны Стасовым из белого искусственного мрамора и на 1/4 их объема как бы вдавлены в стены; следует отметить, что колонны во всех залах сделаны не деревянные внутри, как это было до пожара, а кирпичные и полые; колонны в свою очередь облицованы вогнутыми плитами искусственного мрамора таким образом, чтобы между мрамором и колонной оставалось пространство; этот же принцип применен и при отделке стен искусственным мрамором, что дало возможность столь быстро высушить стены и колонны; потолок, как и в других залах, сделан из медных или железных досок. Зал был назван “Николаевским” при Александре II в 1856 г., когда в нем был помещен большой конный портрет Николая I, раб. Крюгера.

Следующий Концертный зал, отделка которого до пожара принадлежала Гваренги, по возможности возобновлен в прежнем виде; статуи муз исполнены скульптором Германом; все стены из стюка.

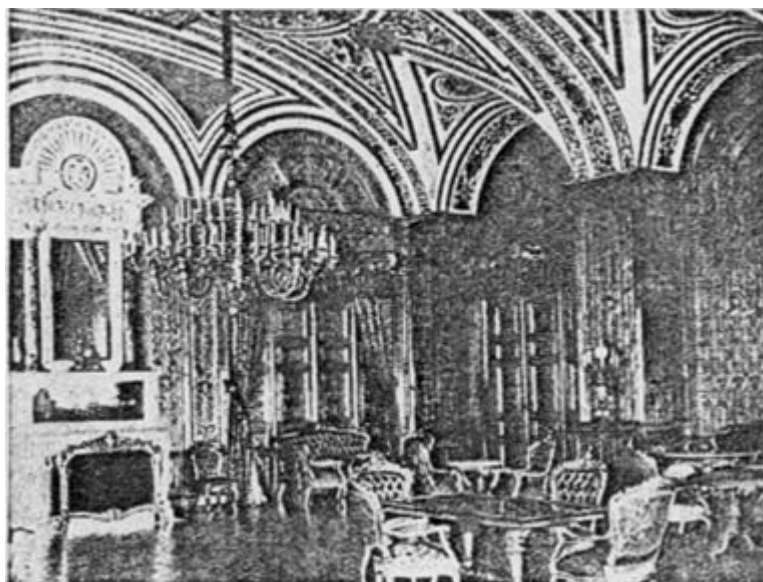
Параллельно обоим этим залам была сделана новая галерея, заменившая ряд небольших комнат во двор; она называлась “Помпеевской галлереей” по характеру ее отделки; впоследствии, после русско-турецкой войны 1877 г., здесь были развешаны картины с эпизодами этой войны, и галерея называлась “Восточной”; к центральной ее части была сделана после пожара пристройка во двор квадратной формы, для оранжереи, где находились пальмы, померанцевые и лимонные деревья, служившие для



украшений зал во время балов и обедов. За Концертным залом шли (на Неву) собственные комнаты Николая I (впоследствии половина Николая II); из них следует указать на сохранившуюся доньяне “Малахитовую гостиную”, в которой колонны, столы, вазы, канделябры облицованы малахитом.

Теперь обратимся к другим работам Стасова, тоже парадным залам, но выходящим во двор; с Иорданской лестницы входим в первый из них “большой Фельдмаршалский” – этот зал на плане Растрелли не значится, на его месте было несколько проходных комнат и только в начале XIX в. эти комнаты переделаны в двусветный зал Монферраном; в зале 6 больших портретов русских фельдмаршалов (Румянцев, Потемкин, Суворов, Кутузов, Паскевич и Дибич) и 2 огромные батальные картины – эпизоды из польского восстания 1831 г. и венгерской кампании 1849 г. Зал не имел особого назначения, в нем всегда располагался караул от кавалерийской части (обычно казаки), а на придворных выходах здесь стояли представители русского и иностранного купечества.

Следующий небольшой “Петровский зал” полностью возобновлен в том виде, как он был устроен арх. Монферраном в 1833 г. [что видно из хранящихся в Эрмитаже рисунков этого зала]; стены затянуты бархатом с вышитыми золочеными орлами; люстра, канделябры, столы из серебра работы петербургской мастерской датчанина Буха были сделаны первоначально для Михайловского замка, откуда перевезены после 1801 г. в Зимний дворец в Тронный зал жены Павла I имп. Марии Федоровны, и после ее смерти поставлены в этот зал. (Петровский зал не имел какого-либо назначения; Николай I принимал в нем новогодние поздравления от иностранных послов.)



Золотая гостиная.

Гербовый зал, называвшийся при Екатерине II “Светлой галлереей”, а затем “Белым залом”, после пожара 1837 г. был увеличен в длину на 6 саж.

(общая длина 23 с. 2 арш. 13 вершк.); назван “Гербовым”, так как на узких сторонах его помещены гербы губерний на группах с трофеями (раб. Штрейхенберга); в этом зале, как было сказано выше, был воздвигнут в 1796 г. катафалк для Екатерины II и Петра III; при Николае II, во время выходов, в нем находились высшие гражданские чины и их жены, имевшие право приезда ко двору, устраивались ужины после больших балов и парадные обеды.

Галерея 1812г., соединяющая Гербовый и Тронный залы, после пожара увеличена, как и Гербовый зал, в длину и в ней сделаны Стасовым новые хоры, а на потолке стеклянные просветы; в конце галереи (к церкви) устроены были стойки для знамен, где хранились иногда полковые знамена шефских частей. Галерея сплошь украшена портретами (свыше 300) участников войны 1812 г. работы Доу и его помощников – брата его Филиппа, Райта, Волчкова и Голике; по смерти Доу в 1829 г. работал главным образом Райт (портреты в рост Кутузова, Барклая, Веллингтона, цесаревича Константина Павловича и Александра I на коне, но последний был заменен в 1838 г. работой Крюгера); в галерее обращают на себя внимание несколько пустых рам, затянутых, зеленой материей; существует версия о том, что Николай I приказал изъять отсюда портреты декабристов, но архивные данные определенно указывают, что ряд портретов не был исполнен и только потому места их затянуты были тафтой.

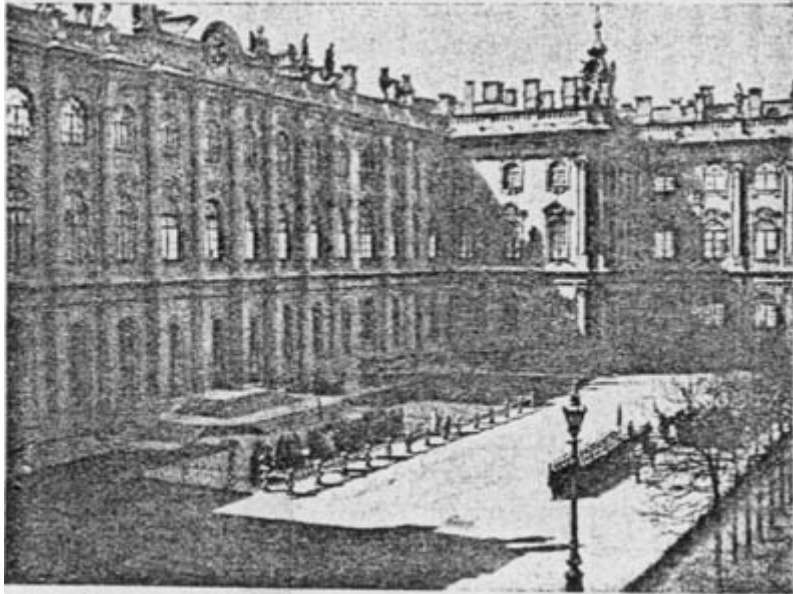
Из портретной галереи дверь ведет в “Тронный” или “Георгиевский зал” (19 с.1 арш.5 в. х 9 с.14 в.); до пожара зал был построен арх. Гваренги в конце царствования Екатерины II; пожар превратил мраморную отделку в известь, и для возобновления зала был выписан из Италии каррарский мрамор на 533.200 руб. асс.; вывоз производился под наблюдением командированного в Каррару арх. Ефимова – будущего исполнителя работ по постройке здания “Нового Эрмитажа” по проекту арх. Кленце. За отделку “Тронного зала” петербургские мастера, итальянцы Модерни и Гальоти, запросили с Николая I – 1.500.000 руб. асс., и эта непомерная цена настолько рассердила его, что он отдал приказ во все казенные учреждения не давать им никаких заказов. Зал отделялся сравнительно с другими долго и закончен был лишь в начале 1841 г.; отделка без мрамора обошлась в 500.000 р. асс.; в марте 1841 г. были розданы архитектором за отделку зала особые награды, а в августе того же года, в 11 1/2 ч. вечера, весь потолок сразу обрушился, но, к счастью, мрамор не пострадал и дело обошлось без жертв. Вес упавшего потолка – 42 балки со скреплениями и 11 люстрами – составлял 28.375 пудов. На противоположном от входа конце зала устроено место для трона, к которому ведут ступени; до революции здесь стояло кресло Петра I (ныне в галерее серебра в Эрмитаже) и над ним был устроен балдахин с султаном из страусовых белых перьев; выше балдахина, на стене, помещен барельеф, изображающий Георгия Победоносца (обошелся в 20.000 р. асс.); этот зал служил местом для торжественных аудиенций, принесения присяги членами имп. семьи по достижении совершеннолетия, празднеств в честь георгиевских кавалеров, для заседаний Георгиевской кавалерской думы, для парадных обедов (в углу зала устроена подъемная машина для подачи

кушаний и посуды из нижнего этажа, где главная кухня). В этом же зале в 1906 г. Николай II произнес тронную речь к членам 1-ой Госуд. думы.

Переходим к последним работам Стасова – к Собору дворца, Пикетной комнате и притвору Собора. В Соборе до пожара купол был закрыт плоским потолком, который был снят Стасовым; по росписи плафона работал художник Басин, а 4 евангелиста на подкупольных парусах исполнены акад. Бруни; на царских воротах сохранились иконы работы худ. Ив. Бельского (XVIII в.); к работам Стасова относится и возобновление Малой церкви (вход в нее из ротонды, находящейся в конце Темного коридора, идущего вдоль комнат Александра II и Николая II); в этой церкви находятся несколько образов работы худ. Нефа; иконы на царских воротах, северных и южных дверях и на иконостасе исполнены в 1760 гг. Пикетная комната, смежная с “Гербовым” и притвор перед б. церковью также возобновлены Стасовым; в Пикетной комнате (прежде “статс-дамская”, “гренадерская”) выставлялся во время выходов в церковь караул от роты дворцовых гренадер и др. частей.

Внутренняя отделка комнат Николая I исполнена была арх. А. Брюлловым, также как и Александровский зал (выходит на площадь, разделяя I и II зап. “половины”, ныне арсенал); комнаты Николая I расположены были в 1-м, 2-м и 3-м этажах, образующих угол на Неву и на Адмиралтейство; в Малахитовой гостиной (см. выше) потолок был ранее росписной, а после пожара на нем сделаны золотые рельефные украшения; из комнат Николая I сохранился до сего времени лишь небольшой его кабинет в 1-м этаже.

Александр II, будучи наследником, занимал половину дворца, выходящего на Адмиралтейство, и угол дворца на площадь и помещение это он оставил для себя, когда вступил в 1855г. на престол; в 1853 г. для его жены была устроена арх. Шрейбером угловая “Золотая гостиная”. При Александре II дворец оставался без перемен; из событий, связанных с дворцом, следует указать, что манифест об освобождении крестьян был подписан в так называемом “учебном кабинете”, т.-е. в той комнате, где, как сказано выше, происходили первые допросы Николаем I декабристов; 5-го февраля 1880 г. во дворце, на половине Александра II, под столовой, выходящей во двор, над главной гауптвахтой произошел взрыв, подготовленный Степаном Халтуриним к моменту начала парадного обеда в честь прибывшего Гессенского



Большой двор и гауптвахта.

принца; покушение не осуществилось, так как случайно поезд с принцем опоздал и обед был задержан на некоторое время. В момент взрыва Александр II с семьей “находился в малом Фельдмаршальском зале, куда вышел навстречу принцу Александру Гессенскому и сыну его, князю Болгарскому ... От сильного удара поколебались стены, разбились вдребезги стекла, газ потух во дворце. Но разрушительное действие взрыва не распространилось далее главной гауптвахты, находившейся в первом этаже, над подвальным помещением, в котором заложена была мина и под столовою залою. Из находившихся в этой комнате, занимавших в этот день караул во дворце, нижних чинов л.-гв. Финляндского полка убито 11 и ранено 56 человек. В полу столовой оказалась лишь небольшая трещина”(Имп.Александр II".С.Татищев, т.II,стр.572.).

Александр II после покушения на него 1-го марта 1881 г. был привезен во дворец, где и умер в тот же день в своем кабинете, обстановка которого, также как и соседнего с ним "учебного кабинета", сохранилась в большей своей части до сих пор.

В 1860 г. было утверждено “новое положение об управлении Зимним дворцом”, по которому в его ведении находились еще здания: старого и нового Эрмитажа, эрмитажный театр, памятник Александру I, летний сад “со всеми зданиями и украшениями” и “металлические устройства Николаевского дворца” (т.-е. Аничкова). Управление было поручено “майору от ворот”, который был подчинен непосредственно м-ру двора. Штат управления с “майором от ворот” состоял из 13 чел. и расход на жалованье им определялся всего в сумме 2280 р. 97 к.; смотрение же за убранством и мебелью поручено 120 лицам (“камер-цалмейстерская должность”), из них 90 человек полотеров. Вся хоз. смета определялась в сумме 130.000 руб., из коей 1/3 падала на убранство комнат.

Приводим выдержки из мемуаров известного французского писателя Т. Готье, который дает нам описание придворного бала и ужина при Александре II в 1866 г: “В России придворные балы начинаются тем, что называется полонезом; это не танец, но род шествия, процессии, прогулки при факелах. Когда полонез обошел зал и галерею, начинается бал”. Описывая ужин после бала, Готье указывает, что “газ не употребляется в Зимнем дворце, там жгут только свечи из настоящего воска; теперь только в России пчелы способствуют освещению (Газовое освещение было сделано в 1869 г., а электрическое при Александре III) . 12 негров, одетые как мамелюки (белый тюрбан, зеленая куртка с золотыми стрелками, широкие красные шаровары, стянутые в талии кашемировыми кушаками, весь костюм в галунах), спускались и поднимались по ступеням возвышения, передавая тарелки лакеям, и придавали вполне европейскому празднику азиатский оттенок”...

Александр III не жил во дворце, избрав для жительства Аничков дворец и Гатчину; его “половина” в Зимнем дворце была в 3-м этаже в б. комнатах Николая I.( Ныне "Музей Революции") .

Наконец, переходим к описанию дворца при Николае II; он занял комнаты Николая I, но в бельэтаже, при чем комнаты были заново отделаны по указаниям сестры имп. Александры Федоровны – Елисаветы, фабрикантами Ф. Мельцером и Свирским в стиле “модерн”; всех комнат было, считая Малахитовую гостиную, 13 (приемная, биллиардная, библиотека, уборная с бассейном, кабинет, затем комнаты Александры Федоровны – уборная, спальня, кабинет, три гостиные, столовая).

Во дворце числилось семь так называемых “запасных половин”: I-ая [на площадь и во двор] – в бельэтаже, начиная от “Белой залы”, смежной с угловой золотой гостиной до Александровского зала; II-ая – в бельэтаже, от Александровского зала по площади до перехода в Эрмитаж; III-ья – окнами во двор вдоль темного коридора 2-го этажа, над главной гауптвахтой, рядом с быв. “собственными библиотеками”; IV-ая – в 1-ом этаже, так называемая “детская”, по набережной, от дворцового моста до Иорданского подъезда ( на "детской половине" большой "готический" зал; на этой половине жили дети Николая I и Николая II; готический стиль был излюбленным у Николая I; лепные украшения и две статуи в зале раб.худ.Трод.); V-ая – [1 этаж] направо от входа на Салтыковский подъезд выходящей на Адмиралтейство; VI-ая – в 3-ем этаже, вдоль камер - юнгферского коридора, окнами на Адмиралтейство (т.е. над комнатами Александра II, где жила кн. Юрьевская и откуда была винтовая лестница в кабинет Александра II), и наконец VII-ая – или, иначе, “новые комнаты Эрмитажа”, уже вне пределов Зимнего дворца, в бельэтаже б. Екатерининского Эрмитажа на Неву (ныне отдел Прикладного Искусства Эрмитажа). I и II половины, а также VII-ая служили для размещения приезжавших иностранных гостей (на I-ой, напр., жил германский император, итальянский король, президент французской республики, на VII обычно останавливались главы восточных государств – персидский шах, эмир бухарский, хан хивинский); на II-ой половине некоторое время жили

в. кн. Николай Николаевич и предс. сов. министров Столыпин (после покушения на него на Аптекарском острове).

Коридоры во дворце имели особые названия; в нижнем этаже: 1) “Телеграфный” – войдя в большие ворота с площади, налево; 2) “Кутузовский”—вдоль V-ой запасной половины; 3) “Светлый” – войдя через Салтыковский подъезд налево; 4) “коридор IV-ой запасной половины” – вдоль этой же половины до Иорданской сени; в бельэтаже: 5) “Темный коридор” (37 с. 2 арш. длины) от малого Фельдмаршалского зала, где стоит пушка, до “Ротонды”, откуда входы в Малую церковь, в Арабский зал, в столовую и на большую церковную лестницу; в 3-м этаже, где были фрейлинские помещения, тянулся по всему зданию огромный “Фрейлинский коридор” и только часть его, вдоль фаса на Адмиралтейство, называлась “Камер-юнгферским”; подъезды дворца имели также свои названия: “Салтыковский” (середина фасада на Адмиралтейство), “Собственный” I-й маленький подъезд по набережной от б. Дворцового моста, “Детский” – следующий за ним; далее “Иорданский”, тоже на Неву; небольшой “Министерский”, названный так, потому что он вел в помещение министра двора; и, наконец, со стороны площади: первый от Миллионной улицы – “Комендантский” и второй “Ее Величества”.

Согласно планам Зимнего дворца 1888 г. общая площадь дворца с Эрмитажем и зданием Эрмитажного театра занимает 20.719 кв. саж. или 8 2/3 десятины, собственно же здание дворца занимает 4.902 кв. с., главный двор – 1.912 кв. саж.; жилые этажи дворца заключают в себе 1.050 покоев, площадь пола которых составляет 10.219 кв. с. (4 1/4 дес.), а объем до 34.500 куб. с.; в этих покоях 6.333 кв. с. паркетных полов: 548 – мраморных 2.568 – плитных, 324 – досчатых. 512 – асфальтовых, мозаичных, кирпичных и др.; дверей – 1.786, окон – 1.945, 117 лестниц с 3.800 ступенями, 470 разных печей (после пожара 1837 г. во дворце было устроено отопление по способу ген.Амосова:печи в подвальном помещении и комнаты нагревались теплым воздухом по трубам.) ; поверхность крыши дворца 5.942 кв. саж.; на крыше 147 слуховых окон, 33 стеклянных просвета, 329 дымовых труб с 781 дымом; длина карниза, окружающего крышу – 927 саж. и каменного парапета – 706 с.; громоотводов – 13. Расход на содержание дворца простирался до 350 тыс. р. в год при 470 служащих.

К началу царствования Николая II относится окончание работ по замене каменных статуй и ваз на крыше дворца, которые со времени Растрелли выветрились и грозили падением; статуи и вазы в начале 1890-х гг. начали заменяться медными полыми внутри; работа исполнена скульптором Поповым по растреллиевским образцам; отливка производилась на заводе Морана.

В конце 1890 гг. возле дворца со стороны Адмиралтейства был разбит небольшой сад и построена вокруг него особая решетка от Невы до площади.( Ранее здесь была "разводная площадка", где происходили парады.) Проекты решетки были составлены несколькими архитекторами – Гогеном, Крамским и Р. Мельцером; выбран был, по желанию имп.

Александры Федоровны, проект Мельцера, который ухитрился представить ей модель решетки в натуральную величину; ему же Александра Федоровна поручила съездить в 1899 г. в Майнц и закупить там камень для установки цоколя к решетке. Проект решетки Мельцера был на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. и получил там высшую награду; решетка была поставлена в 1901 г.; она исполнена была из кованого железа, орлы и вензеля в центральных местах золоченые, работа обошлась свыше миллиона рублей. Решетка была снята в 1918/1919 гг., так как закрывала фасад дворца.

Николай II жил во дворце (зимние месяцы) до 17 апреля 1904 г. (год объявления японской войны), а с этого года и в зимнее время – в Царском Селе, в Александровском дворце, приезжая в Зимний дворец только для участия в парадных обедах, завтраках, приемах; и лишь в феврале 1913 г. останавливался в нем на два дня во время торжеств 300-летия дома Романовых. (Следует указать, что и во время отсутствия во дворце императора воинские караулы выставлялись как снаружи, так внутри дворца.)

Даем краткие сведения о том, как происходили при Николае II парадные выходы в церковь и балы. Напр., выход в день Нового года (1900 г.): съезд во дворец назначался к 11 ч. утра и приглашенные на выход размещались в залах, расположенных по пути следования императора с его семьей из внутренних его комнат, т.е. из Малахитовой гостиной, в церковь через залы Концертный, Николаевский, Аван-зал, большой Фельдмаршальский, Петровский и Гербовый; в Концертном были лица, носившие придворное звание, в Николаевском и Аван-зале – исключительно военные, в большом Фельдмаршальском – российское и иностранное купечество и городской голова; Петровский зал обычно оставался незанятым: в Гербовом – гражданские чины и “городские дамы”, имеющие право приезда во дворец по общественному положению их мужей и отцов. Все дамы придворные и не придворные обязаны были быть в русских платьях – в сарафанах с откидными рукавами, с длинными шлейфами из бархата, в кокошниках или повязках. В трех залах ставился почетный караул: 1) в зале перед церковью (Пикетный) от роты дворцовых гренадер, 2) в большом Фельдмаршальском от гв. казачьей части и 3) в Николаевском – кавалергарды. (Караул от кавалергардов еще со времен Екатерины II всегда ставился возле собственных комнат, чем объясняется особое выражение “имели право входа за кавалергардов”, т.е. право, предоставленное придворным войти в ближайшие к личным апартаментам монарха комнаты.) Выход в церковь начинался в 11 ч. Шествие открывали два церемониймейстера с тростями; за ними попарно придворные чины и кавалеры, младшие впереди; перед императором гофмаршал и обер-гофмаршал с золочеными жезлами; далее имп. семья тоже в парах, по старшинству в роде; около императора – министр двора и военное дежурство из трех лиц его свиты и камер-паж; за императорской фамилией шли попарно придворные дамы и фрейлины. Шествие замыкала военная свита; все, участвовавшие в процессии, входили в церковь. По окончании обедни тем же порядком происходило возвращение во внутренние комнаты, а на обратном пути император принимал в Георгиевском зале новогодние поздравления от представителей иностранных государств.

Выход в день праздника Крещения (6 января) отличался тем, что указанные залы заняты были исключительно воинскими частями в полной парадной форме, под ружьем, со знаменами; после обедни император с членами фамилии (без дам), в предшествии крестного хода, выходил через Иорданскую лестницу на Неву, где на особом помосте происходило освящение воды при салюте из орудий, поставленных у Биржи на Вас. острове. ( В 1905 г. одно из орудий оказалось заряженным картечью; пули достигли Иордани и разбили стекла в Николаевском зале. Следствие установило, что боевой патрон оказался в орудии случайно.)

В январе обычно устраивались балы – один большой и два – три малых. На большой бал, в Николаевском зале, приглашалось до 5.000 человек; съезд на бал назначался к 9 час. вечера; в 9 1/2 ч. из Малахитовой гостиной через Концертный зал входила в парах, под звуки полонеза, имп. фамилия и трижды обходила зал, меняя каждый раз дам (обычно жены иностранных послов); после полонеза танцевали вальс, 2 кадрили и бал заканчивался мазуркой, играл придворный оркестр на хорах; в галлерее 1812 г., Аван-зале и Ротонде устраивались открытые буфеты с шампанским; после танцев ужин; в Гербовом зале стоял на особом возвышении особый стол для имп. семьи; для остальных приглашенных столы – в галлерее 1812 г., в залах Пикетном и Александровском, в залах I и II зап. половины; во время ужина император обходил гостей. В начале 2-го часа бал оканчивался. Малые балы устраивались на 800 – 1000 приглашенных в Концертном зале, а ужин происходил в Николаевском зале [весь пол которого затягивался сукном], в Аван-зале и на площадке Иорданской лестницы, для чего на лестнице устраивался особый деревянный помост; Николаевский зал превращался в пальмовую рощу, так как у каждого стола ставилась пальма; стол для имп. семьи устраивался у большого портрета Николая I; в 3-м часу балы заканчивались. В январе – феврале устраивалось несколько спектаклей в Эрмитажном театре, по окончании которых ужин сервировался в картинных залах Эрмитажа. Последний выход во дворце состоялся в июле 1914 г., когда объявлена была война, а последний бал в янв. 1904 г.

В 1915 г. парадные залы дворца (Николаевский, Аван-зала, б. Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый, зал перед церковью. Александровский и часть II зап. половины) были предоставлены для устройства лазарета. В том же 1915 г. в Белом зале (I зап. половина) состоялось заседание под председательством Николая II – “особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства и по обеспечению топливом”, а в Малахитовой гостиной происходили заседания, под председательством имп. Александры Федоровны, “верховного совета помощи участникам войны и их семьям”.

На этом заканчиваем описание “императорского периода” Зимнего дворца.

---

В февральские дни 1917 г. дворец остался нетронутым; следует указать, что в эти дни, ночью, была сделана однажды попытка поместить во дворце



штаб командующего войсками округа, но администрация дворца категорически воспротивилась и отговорила пришедших. Штаб, как известно, разместился затем в Адмиралтействе.

В начале июля 1917, когда Керенский занял место председателя совета министров, по его распоряжению, заседания были перенесены в Зимний дворец, в Малахитовую гостиную. С этого же времени (с 11 июля) во дворце размещаются различные организации и учреждения Врем. пр-ва и ряд частных лиц, прикосновенных к нему, и вводится воинская охрана.

Керенский занял лично для себя комнаты Александра III (3 этаж, угол на Неву и на Адмиралтейство); канцелярия его поместилась в комнатах Александра II; комнаты Николая II были также предназначены для надобностей Временного правительства. (В библиотеке Николая II Керенский принимал доклады).

Последующие события ясно показали, что этот переезд во дворец оказался не только излишним, но в отношении хранившейся во дворце художественной обстановки даже преступным, так как очевидно, что нахождение правительства в каком-либо другом здании, а не во дворце, сохранило бы многочисленное безвозвратно погибшее ценное дворцовое имущество. Надо сказать при этом, что образованная в июле 1917 г. «Художественная комиссия по приемке движимого имущества Петербургских дворцов б. Петроградского дворцового Управления» уже 7 августа 1917 г. указывала в своем первом журнале, что «пребывание воинских частей в исторических покоях Зимнего дворца может иметь самые губительные последствия». Как видно из этого журнала, «значительное количество комнат дворца обслуживает в настоящее время потребности членов Временного правительства, а также всевозможные общественные организации; здесь же находятся лазарет и охраняющие дворец воинские части. Комиссия уже тогда обнаружила: повреждения блюд на лестнице Салтыковского подъезда, прорваны были штыком портреты андреевских кавалеров, ширмы и диваны с содранными обивками, похищена бронзовая статуэтка Орлова с модели екатерининского памятника, испорчены и похищены дверные украшения, сломаны и похищены части канделябр, мраморные статуи в занятом юнкерами Белом зале с висящими на них мокрыми полотенцами. Наконец, по удостоверению служителей дворца, обнаружены были неоднократные попытки некоторых представителей дворцового караула проникнуть ночью в те запертые помещения дворца, в которых хранятся драгоценности». С 4 октября 1917 г. Комиссия приступила к срочной уборке картин и др. художественных и исторических вещей в покоях Зимнего дворца, а равно и к упаковке части этих предметов для вывоза их в Москву. Задача эта была осуществлена отчасти и вместе с Эрмитажными вещами художественная обстановка частично была эвакуирована в октябре 1917 г. в Москву, откуда она вернулась в Эрмитаж в 1920 г. в неприкосновенности; предназначавшаяся же отправка вещей, назначенная на 27 октября 1917 г. хотя и не осуществилась, но вещи из комнат Николая II были своевременно убраны в ящики, «в виду объявленного Временным правительством намерения немедленно же занять апартаменты б. царской семьи».

В делах комиссии находим подробности о жизни во дворце при Временном правительстве... “В Зимний дворец была введена значительная воинская охрана, которая была размещена в Золотой гостиной и в целом ряде других парадных комнат, а также во внутренних коридорах”... “Залы были переполнены железными кроватями, соломенными тюфяками и др., представляли весьма унылый вид”.

С 19 октября дворец начал было эвакуироваться от воинских частей, но 21 октября в него вновь были введены значительные отряды, оставшиеся до 25 октября.

Печатных материалов о взятии дворца почти не имеется, и потому приходится пока ограничиваться указаниями очевидцев, которые дают разноречивые показания. Так, напр., одни утверждают, что штурмующие вошли впервые во дворец через Иорданский подъезд, а другие говорят, что из Черного проезда со стороны Миллионной. (Проезд с бывш. Миллионной на Неву, между дворцом и Ламотовым павильоном Эрмитажа.) Дворец обстреливался с 3-х сторон – с Дворцовой площади, со стороны Николаевского моста и со стороны Невы; на фасадах дворца осталось много следов пуль. В одной зале на Дворцовую площадь стекла были совершенно разбиты, в одной из зал было огромное отверстие от снаряда; кроме того очевидцы говорят, что снаряд попал в “секретарские комнаты” 3 этажа, на Неву, разорвавшись в коридоре за стеной.

В приемной Александра II, занятой под личную канцелярию Керенского, были разбросаны бумаги, выдвинуты ящики из письменного стола, разбиты шкафы, взломаны столы. В кабинете Александра II верхняя часть историч. бюро превращена в щепы; погром в комнатах Николая II носил характер ожесточения, проколоты портреты царской семьи (уничтожен был портрет Николая II работы Серова), картины, фотографии; 3 этаж – “фрейлинские комнаты”, где жили адъютанты Керенского и “бабушка русской революции” Брешко-Брешковская с ее секретаршей, также подверглись разрушению. В комнатах Александра III, где жил Керенский, все опрокинуто было стихийно; кабинет Александра III, превращенный в спальню Керенского, усеян изорванными бумагами важного государственного значения. 7 ноября комнаты были сфотографированы, а с 9 ноября начался разбор вещей и восстановление покоев Александра II. С 7 же ноября во дворце уже не было никаких воинских частей.

Дворец в художественном отношении пострадал мало, но в историческом и материальном ему нанесен был серьезный ущерб. Дальнейшая судьба дворца такова.

В январе 1918 г. была образована Комиссия по охране памятников искусства и старины, поместившаяся в Зимнем Дворце. На 1 мая 1918 г. предполагено было устроить ряд революционных празднеств, при чем намечалось использовать для этой цели и Зимний дворец, но проект этот не осуществился. В мае 1918 г. состоялось совещание из компетентных художественных сил, на котором постановлено было, что Зимний дворец должен служить для расширения Эрмитажа. В том же году Эрмитажу были

переданы: Аполлонов зал, соединяющий Георгиевский зал с Ламотовым павильоном, весь этот павильон и часть VII запасной половины дворца; к 1922 г. к Эрмитажу отошли парадные залы; большой Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый, Тронный, Пикетный, Александровский и I и II запасные половины дворца, а с 1 декабря 1922 г. весь дворец уже состоял в ведении Эрмитажа, который разместил в его залах часть картинной галереи, арсенал и предметы прикладного искусства. Часть помещений дворца предоставлена была вновь возникшему Музею Революции (Аванзал, Николаевский, Концертный залы и Ротонда, все помещения Александра III и часть помещений в I этаже IV и V запасных половин). В 1922 г. были восстановлены по фотографиям комнаты Александра II и Николая II, куда допускалась публика для их обозрения до 1 августа 1926 г., когда эти комнаты были закрыты, в виду необходимости использовать помещение для Эрмитажных коллекций. В 1925 г. были восстановлены комнаты Николая I в I этаже, открытые для обозрения до настоящего времени.

За время с 1918 г. по 1922 г., т.-е. до момента передачи дворца полностью Эрмитажу, в нем помещались следующие организации и учреждения: 1) приемный пункт для военнопленных старой армии (столовая на главном дворе, врачебная амбулатория), 2) съезд делегатов от комитета бедноты Сев. области (на I зап. половине), 3) женский съезд работниц Северной области (на I зап. половине), 4) общежитие детских колоний, дошкольного возраста (фрейлинские помещения в 3-м этаже), 5) штаб по устройству торжеств октябрьских, первомайских и др. (V зап. пол.), 6) художественная комиссия, преобразованная в отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, 7) выставка отдела Наробраза (Иорданская лестница, часть парадных зал) и выставка “произведений искусства” (I зап. половина и Георгиевский зал), 8) концерты и спектакли (Гербовый зал и прилегающие к нему), 9) кинематограф (Николаевский зал), 10) склады детских колоний Детского Села и склады колоний дошкольного возраста (конюшни и гараж), 11) детская столовая и клуб (б. квартира обер-гофмаршала), 12) в Николаевском зале, когда прекратились в нем кинематографические спектакли, устраивались митинги и партийные собрания центрального гор. района.

1 августа 1926 г. личные комнаты Александра II и Николая II были закрыты и отведены для устройства в них выставочных зал Отдела Востока Эрмитажа” к 10-летию Октября в пяти комнатах Александра II были развернуты выставки: 1) фарфора XIX в. и 2) “Нидерланды в эпоху борьбы с Испанией”.

В 1927 г. для увеличения музейной площади произведен ряд внутренних переделок (уничтожены антресоли некоторых помещений бель-этажа и большая кухня в I этаже); кроме того на фасаде сняты балконы и оба фонаря над двумя подъездами, выходящими на площадь, так как в первоначальном проекте Растрелли этих фонарей и балконов не было; к Октябрьским же торжествам окрашены заново фасады на площадь и на Адмиралтейство.